

The
French
Lieutenant's
Woman

John Fowles

Любовница французского лейтенанта

Джон Фаулз

Москва 2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф28

John Fowles

THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN

Copyright © 1969, 2005 by J.R. Fowles
This edition is published by arrangement with Aitken Alexander
Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *М. Беккер, И. Комаровой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Фаулз, Джон.

Ф28   Любовьница французского лейтенанта : [роман] / Джон Фаулз ; [пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Культовая классика).

ISBN 978-5-04-089139-9

Джон Фаулз — один из наиболее выдающихся и заслуженно популярных британских писателей XX века, современный классик главного калибра, автор всемирных бестселлеров «Коллекционер» и «Башня из черного дерева», «Дэниел Мартин» и «Куколка». Книги его разошлись многомиллионными тиражами, были переведены на несколько десятков языков и успешно экранизированы. Однако одной из главных визитных карточек Фаулзу по праву служит «Любовница французского лейтенанта». Завлекая читателя пикантной любовной фабулой, сочетая реалистическую традицию с элементами детектива и мистики, Фаулз вступает в полемику с модными псевдовикторианскими романами...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © Беккер М., перевод на русский язык (главы 1–30), 2017
- © Комарова И., перевод на русский язык (главы 31–61), 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089139-9

Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку.

*К. Маркс.
К еврейскому вопросу (1844)*

1

Глядя в пенную воду,
Завороженно, одна,
Дни напролет у моря
Молча стояла она,
В погоду и в непогоду,
С вечной печалью во зоре,
Словно найти свободу
Чаяла в синем просторе,
Морю навеки верна.

*Томас Гарди.
Загадка¹*

Восточный ветер несноснее всех других на заливе Лайм (залив Лайм — это самый глубокий вырез в нижней части ноги, которую Англия вытянула на юго-запад), и человек любопытный мог бы сразу сделать несколько вполне обоснованных предположений насчет пары, которая одним студеным ветренным утром в конце марта 1867 года вышла прогуляться на мол Лайм-Риджиса — маленького, но древнего городка, давшего свое имя заливу.

Мол Кобб уже добрых семьсот лет навлекает на себя презрение, которое люди обыкновенно питают к предметам, слишком хорошо им знакомым, и коренные жители Лайма видят в нем всего лишь старую серую стену, длинной клешней уходящую в море. И в самом

¹ Здесь и далее стихи в переводе И. Комаровой.

деле, вследствие того, что этот крохотный Пирей расположен на порядочном расстоянии от своих микроскопических Афин, то есть от самого города, жители как бы повернулись к нему спиной. Конечно, суммы, которые они веками расходовали на его ремонт, вполне оправдывают некоторую досаду.

Однако на взгляд человека, не обремененного высокими налогами, но зато более любознательного, Кобб, несомненно, самое красивое береговое укрепление на юге Англии. И не только потому, что он, как пишут путешеводители, овеян дыханием семи веков английской истории, что отсюда вышли в море корабли навстречу Армаде, что возле него высадился на берег Монмут... а в конце концов, просто потому, что это великолепное произведение народного искусства.

Примитивный и вместе с тем замысловатый, слоподобный, но изящный, он, как скульптура Генри Мура или Микеланджело, поражает легкостью плавных форм и объемов; это промытая и просоленная морем каменная громада — словом, если можно так выразиться, масса в чистом виде. Я преувеличиваю? Возможно, но меня легко проверить — ведь с того года, о котором я пишу, Кобб почти не изменился, а вот город Лайм изменился, и если сегодня смотреть на него с мола, проверка ничего вам не даст.

Но если бы вы повернулись к северу и посмотрели на берег в 1867 году, как это сделал молодой человек, который в тот день прогуливался здесь со своей дамой, вашему взору открылась бы на редкость гармоничная картина. Там, где Кобб возвращается обратно к берегу, притулилось десятка два живописных домиков и маленькая верфь, в которой стоял на стапелях похожий на ковчег остов люггера. В полумиле к востоку, на фоне поросших травой склонов, виднелись тростниковые и шиферные крыши самого Лайма, города, который пережил свой расцвет в Средние века и с тех пор постоянно клонился к упадку. В сторону запада, над усыпан-

ным галькой берегом, откуда Монмут пустился в свою идиотскую авантюру, круто вздымались мрачные серые скалы, известные в округе под названием Вэрские утесы. Выше и дальше, скрытые густым лесом, уступами громоздились все новые и новые скалы. Именно отсюда Кобб всего более производит впечатление последней преграды на пути эрозии, разъедающей западный берег. И это тоже можно проверить. Если не считать нескольких жалких прибрежных лачуг, ныне, как и тогда, в той стороне не видно ни единого строения.

Местный соглядатай (а таковой на самом деле существовал) мог поэтому заключить, что упомянутые двое — люди не здешние, ценители красоты и что какой-то там пронизывающий ветер не мешает им полюбоваться Коббом. Правда, наведя свою подзорную трубу поточнее, он мог бы заподозрить, что прогулка вдвоем интересует их гораздо больше, чем архитектура приморских укреплений, и уж наверняка обратил бы внимание на их изысканную наружность.

Молодая дама была одета по последней моде — ведь около 1867 года подул и другой ветер: начался бунт против кринолинов и огромных шляп. Глаз наблюдателя мог бы рассмотреть в подзорную трубу пурпурно-красную юбку, почти вызывающе узкую и такую короткую, что из-под темно-зеленого пальто выглядывали ножки в белых чулках и черных ботинках, которые деликатно ступали по каменной кладке мола, а также дерзко торчавшую на подхваченной сеткой прическе плоскую круглую шляпку, украшенную пучком перьев белой цапли (шляпы такого фасона лаймские модницы рискнут надеть не раньше чем через год), тогда как рослый молодой человек был одет в безупречное серое пальто и держал в руке цилиндр. Он решительно укоротил свои бакенбарды, ибо законодатели английской мужской моды уже двумя годами раньше объявили длинные бакенбарды несколько вульгарными, то есть смешными, на взгляд иностранца. Цвета одежды молодой дамы се-

годня показались бы нам просто кричащими, но в те дни весь мир еще захлебывался от восторга по поводу изобретения анилиновых красителей. И в виде компенсации за предписанное ему благонаравие прекрасный пол требовал от красок не скромности, а яркости и блеска.

Но больше всего озадачила бы наблюдателя третья фигура на дальнем конце этого мрачного изогнутого мола. Фигура эта опиралась на торчащий кверху ствол старинной пушки, который служил причальной тумбой. Она была в черном. Ветер развеивал ее одежду, но она стояла неподвижно и все смотрела и смотрела в открытое море, напоминая скорее живой памятник погибшим в морской пучине, некий мифический персонаж, нежели обязательную принадлежность ничтожной провинциальной повседневности.

2

В том (1851) году в Англии на 8 155 000 женщин от десяти лет и старше приходилось 7 600 000 мужчин такого же возраста. Из этого со всей очевидностью следует, что, если, согласно общепринятому мнению, судьба назначила викторианской девушке быть женой и матерью, мужчин никак не могло бы хватить на всех.

Э. Ройстон Пайк.

*Человеческие документы
викторианского золотого века*

Распушу на рассвете серебряный парус,
Понесет меня ветер по буйной волне,
А зазноба моя, что любить обещалась,
Пусть поплачет по мне, пусть поплачет по мне.

Английская народная песня

- Дорогая Тина, мы отдали дань Нептуну. Надеюсь, он нас простит, если мы теперь повернемся к нему спиной.
- Вы не очень галантны.

— Как прикажете это понимать?

— Я думала, вы захотите, не нарушая приличий, воспользоваться возможностью подольше подержать меня под руку.

— До чего же мы стали щепетильны.

— Мы теперь не в Лондоне.

— Да, скорее на Северном полюсе.

— Я хочу дойти до конца мола.

Молодой человек, бросив в сторону суши взгляд, исполненный столь горького отчаяния, словно он навеки ее покидал, снова повернулся к морю, и парочка продолжала свой путь по Коббу.

— И еще я хочу знать, что произошло между вами и папой в прошлый четверг.

— Ваша тетюшка уже выудила из меня все подробности этого приятного вечера.

Девушка остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Чарльз! Послушайте, Чарльз! Вы можете разговаривать подобным образом с кем угодно, но только не со мной. От меня вы так легко не отвяжетесь. Я очень привязчива.

— Вот и прекрасно, дорогая, скоро благодаря священным узам брака вы сможете всегда держать меня на привязи.

— Приберегите эти сомнительные остроты для своего клуба. — Она с напускной строгостью повлекла его за собой. — Я получила письмо.

— А-а. Я этого опасался. От вашей матушки?

— Я знаю, что после обеда что-то случилось...

Прежде чем Чарльз ответил, они прошли еще несколько шагов; он было намеревался ответить серьезно, но потом передумал.

— Должен признаться, что мы с вашим почтенным родителем несколько разошлись во мнениях по одному философскому вопросу.

— Это очень дурно с вашей стороны.

— А я полагал, что это очень честно с моей стороны.

— О чем же вы говорили?

— Ваш батюшка взял на себя смелость утверждать, что мистера Дарвина следует выставить на всеобщее обозрение в зверинце. В клетке для обезьян. Я пытался разъяснить ему некоторые научные положения, лежащие в основе дарвинизма. Мне это не удалось. *Et voila tout!*

— Но как вы могли? Вы же знаете папины взгляды!

— Я вел себя в высшей степени почтительно.

— То есть в высшей степени отвратительно!

— Он сказал, что не позволит своей дочери выйти замуж за человека, который считает, что его дед был обезьяной. Но мне кажется, по здравом размышлении он примет в расчет, что в моем случае обезьяна была титулованной.

Не останавливаясь, она взглянула на него и тут же отвернула голову характерным плавным движением, которым обыкновенно хотела выразить тревогу, а сейчас речь зашла как раз о том, что, по ее мнению, больше всего препятствовало их помолвке. Отец ее был очень богат, но дед был простой торговец сукном, тогда как дед Чарльза был баронет. Чарльз улыбнулся и пожал ручку в перчатке, продетую под его левую руку.

— Дорогая, ведь мы с вами все это давно уладили. Весьма похвально, что вы почитаете своего батюшку. Но ведь я женюсь не на нем. И вы забываете, что я ученый. Во всяком случае, автор ученого труда. А если вы будете так улыбаться, я посвящу всю свою жизнь не вам, а окаменелостям.

— Я не собираюсь ревновать вас к окаменелостям. — Она сделала выразительную паузу. — Тем более что вы уже давно топчете их ногами и даже не соизволили этого заметить.

Он быстро взглянул вниз и стремительно опустился на колени. Мол Кобб частично вымощен богатой окаменелостями породой.

¹ Вот и все (*фр.*).

— Боже милосердный, вы только взгляните! *Certhidium portlandicum*. Этот камень — наверняка оолит из Портленда!

— К пожизненной каторге в каменоломнях коего я вас приговорю, если вы сейчас же не встанете.— (Он с улыбкой повиновался.) — Ну разве не любезно с моей стороны привести вас сюда? Смотрите! — Она подвела его к краю, где несколько плоских камней, воткнутых в стену, образовали грубые ступени, спускавшиеся под углом к нижнему ярусу мола. — Это те самые ступени, с которых упала Луиза Масгроув в «Убеждении» Джейн Остин.

— Как романтично!

— Да, джентльмены были романтиками... в те времена.

— А теперь стали учеными? Хотите, предпримем этот опасный спуск?

— На обратном пути.

Они снова пошли вперед. И только тогда он обратил внимание на фигуру на конце Кобба или по крайней мере понял, к какому полу она принадлежит.

— Господи, я думал, что это рыбак. Но ведь это женщина?

Эрнестина прищурилась — ее серые, ее прелестные глаза были близоруки, и она смогла различить только темное бесформенное пятно.

— Женщина? Молодая?

— Так далеко не разобрать.

— Я догадываюсь, кто это. Это, должно быть, несчастная Трагедия.

— Трагедия?

— Это ее прозвище. Одно из прозвищ.

— Есть и другие?

— Рыбаки называют ее неприличным словом.

— Милая Тина, вы, разумеется, можете...

— Они называют ее... любовницей французского лейтенанта.

— Вот как. И ее подвергли столь жестокому ostrакизму, что она вынуждена стоять здесь с утра до вечера?

— Она... она немножко не в своем уме. Пойдемте обратно. Я не хочу к ней подходить.

Они остановились. Чарльз рассматривал черную фигуру.

— Вы меня заинтриговали. Кто этот французский лейтенант?

— Говорят, это человек, который...

— Которого она полюбила?

— Хуже.

— И он ее оставил? С ребенком?

— Нет. Ребенка, по-моему, нет. И вообще, все это сплетни.

— Что же она тут делает?

— Говорят, она ждет, что он вернется.

— Но... разве у нее нет близких?

— Она в услужении у старой миссис Поултни. Когда мы бываем там, она не выходит. Но она там живет. Пожалуйста, пойдемте обратно. Я ее не заметила.

Чарльз улыбнулся.

— Если она на вас нападет, я брошусь вам на помощь и тем докажу свою галантность. Пойдемте.

Они приблизились к женщине у пушечного ствола. Она стояла с непокрытой головой и держала в руке капор. Тугой узел ее волос был спрятан под высокий воротник черного пальто — весьма странного покроя, напоминавшего скорее мужской редингот, нежели дамскую верхнюю одежду из тех, что носили последние сорок лет. Она тоже обходилась без кринолина, но, очевидно, из безразличия, а отнюдь не из желания следовать новейшей лондонской моде. Чарльз громко произнес какие-то незначачие слова, чтобы предупредить женщину об их приближении, но она не обернулась. Они прошли еще несколько шагов и вскоре увидели ее профиль и взгляд, словно ружье, нацеленный на далекий горизонт. Резкий по-

рыв ветра заставил Чарльза поддерживать Эрнестину за талию, а женщину — еще крепче ухватиться за тумбу. Сам не зная почему — быть может, желая просто показать Эрнестине, что он не робкого десятка, — Чарльз, как только ветер немного утих, шагнул вперед.

— Любезнейшая, ваше пребывание здесь весьма рискованно. Стóбит ветру усилиться...

Она обернулась и посмотрела на него или — как показалось Чарльзу — сквозь него. От этой первой встречи в памяти его сохранилось не столько то, что было написано на ее лице, сколько то, чего он совсем не ожидал в нем увидеть, ибо в те времена считалось, что женщине пристала скромность, застенчивость и покорность. Чарльз тотчас почувствовал себя так, словно вторгся в чужие владенья, словно Кобб принадлежал этой женщине, а вовсе не древнему городу Лайму. Лицо ее нельзя было назвать миловидным, как лицо Эрнестины. Не было оно и красивым — по эстетическим меркам и вкусам какой бы то ни было эпохи. Но это было лицо незабываемое, трагическое. Скорбь изливалась из него так же естественно, незамутненно и бесконечно, как вода из лесного родника. В нем не было ни фальши, ни лицемерия, ни истеричности, ни притворства, а главное — ни малейшего признака безумия. Безумие было в пустом море, в пустом горизонте, в этой беспричинной скорби, словно родник сам по себе был чем-то вполне естественным, а неестественным было лишь то, что он изливался в пустыне.

Позже Чарльз снова и снова мысленно сравнивал этот взгляд с клинком, а такое сравнение подразумевает не только свойство самого предмета, но и производимое им действие. В это короткое мгновение он почувствовал себя поверженным врагом и одновременно предателем, по заслугам униженным.

Женщина не произнесла ни слова. Ее ответный взгляд длился не более двух-трех секунд, затем она снова обратила взор к югу. Эрнестина потянула Чарльза

за рукав, и он отвернулся, с улыбкой пожав плечами. Когда они подошли к берегу, он заметил:

— Жаль, что вы раскрыли мне эти неприглядные факты. В этом беда провинциальной жизни. Все всех знают, и нет никаких тайн. Ничего романтического.

— А еще ученый! И говорит, что презирает романы, — поддразнила его Эрнестина.

3

Но еще важнее то соображение, что все главнейшие черты организации всякого живого существа определяются наследственностью: отсюда вытекает, что хотя каждое живое существо, несомненно, прекрасно приспособлено к занимаемому им месту в природе, тем не менее многие организмы не имеют в настоящее время достаточно близкого и непосредственного отношения к современным жизненным условиям.

*Ч. Дарвин.
Происхождение видов (1859)*

Из всех десятилетий нашей истории умный человек выбрал бы для своей молодости пятидесятые годы XIX века.

*Дж. М. Янг.
Портрет эпохи*

Возвратившись после завтрака к себе в гостиницу «Белый лев», Чарльз принялся рассматривать в зеркале свое лицо. Мысли его были слишком туманны, чтобы их можно было описать. Однако в них, несомненно, присутствовало нечто таинственное, некое смутное чувство поражения — оно относилось вовсе не к происшествию на Коббе, а скорее к каким-то банальностям, которые он произнес за завтраком у тетушки Трэнтер; к каким-то умолчаниям, к которым он прибегнул; к размышлениям о том, действительно ли интерес к палеонтологии — достойное приложение его

природных способностей; о том, сможет ли Эрнестина когда-нибудь понять его так же, как он понимает ее; к неопределенному ощущению бесцельности существования, которое — как он в конце концов заключил — объяснялось, возможно, всего лишь тем, что впереди его ждал долгий и теперь уже несомненно дождливый день. Ведь шел только 1867 год. Чарльзу было всего только тридцать два года от роду. И он всегда ставил перед жизнью слишком много вопросов.

Хотя Чарльзу и нравилось считать себя ученым молодым человеком и он бы, наверное, не слишком удивился, если бы из будущего до него дошла весть об аэроплане, реактивном двигателе, телевидении и радаре, его, несомненно, поразил бы изменившийся подход к самому времени. Мы считаем великим бедствием своего века недостаток времени; именно это наше убеждение, а вовсе не бескорыстная любовь к науке и, уж конечно, не мудрость заставляют нас тратить столь непомерную долю изобретательности и государственного бюджета на поиски ускоренных способов производить те или иные действия — словно конечная цель человечества не наивысшая гуманность, а молниеносная скорость. Но для Чарльза, так же как для большинства его современников, равных ему по положению в обществе, жизнь шла безусловно в темпе адажио. Задача состояла не в том, чтобы сжать до предела все намеченные дела, а в том, чтобы их растянуть и тем заполнить бесконечные анфилады досуга.

Один из распространеннейших симптомов благосостояния в наши дни — губительный невроз; в век Чарльза это была безмятежная скука. Правда, волна революций 1848 года и воспоминание о вымерших чартистах еще отбрасывали исполинскую тень на этот период, но для многих — и в том числе для Чарльза — наиболее существенным признаком этой надвигавшейся грозы было то, что она так и не грянула. Шестидесятые годы были, несомненно, эпохой процветания; достаток, которого достигли ремесленники и даже промышленные